

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

ГОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

ГОСТЬ

Рассказы

Рисунки В. Трубковича

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

ПАУЧОК

Как-то в конце лета взяли мы в таёжном порту на теплоход лес для Японии, спустились вечером по реке вдоль желтеющих шумных берегов и побежали по морю.

А утром стали мыть судно. Грязь долой, щепу долой! Кто внизу палубу из шлангов скатывает — брызги радугой во все стороны, кто возле шлюпок. А мне с дружкой досталось мыть мостик и пол возле рулевой рубки.

Щёткой драили, шваброй мыли.

Вымыли, вычистили — всё бело! Солнце светит, словно и ему приятно на такую чистоту смотреть. И море, и небо чистое. Только где-то далеко-далеко у горизонта тучки похаживают.

Капитан вышел из рубки, сощурился, прошёл из угла в угол, окинул взглядом палубу, стены, ничего не сказал, лишь кивнул. Значит, хорошо. А потом вдруг поднял голову и весь потянулся вверх.

— А это что? — спрашивает.

Я тоже посмотрел вверх и оторопел. В углу, под навесом, золотится паутинка, а на ней лесной паучок качается. И откуда только взялся! И мылом ведь мыли, и щёткой драили.

Капитан махнул пальцем.

— Убрать паука!

Сбегал я за тряпкой, возвратился, а паучка-то нету. Ни паучка, ни паутины. Может, ветром сдуло, а может быть, каплями сбило. Солнце вон припряталось, мы к тучам подобралась, дождь накрапывает.

Тут выглянул капитан, посмотрел вверх — нет паутины, и кивнул: «Порядок».

А следующим утром поднялся я к рубке. Опять паутина горит, тоненькая-тоненькая. Опять паучок на ней качается. Ни волн, ни ветра не боится.

А рядом опять стоит капитан и его разглядывает. Я снова бросился за тряпкой. Капитан махнул рукой, говорит:

— Отставить. Сейчас, кажется, дождь пойдёт.

И в самом деле стало вдруг прохладно, мрачно. Паучок стал сматывать паутину и только в щёлочку под крышу спрятался, из туч полетело по всему морю: пах! пах!

— Не трогать паука, — рассмеялся капитан. — Он нам погоду будет подсказывать.

Не трогать так не трогать. Да и веселей с ним: свой, таёжный!

Так он и прижился. Как только начнёт паутинку сматывать, все шумят:

— Задраить иллюминаторы: паук сматывается!

А если будет тихо и ясно, то развесит свою сеть и бежит по ней из стороны в сторону, словно драит, чистоту наводит, чтоб не ругали. Пароход-то у нас чистый.

И команде это понравилось. Один ему муравьиное яичко из коры выковырнет. Другой мошку выловит.

А пришли в Японию — исчез паучок. И все про него забыли. Да и где тут помнить! Шумят над головой громадные краны, поднимают брёвна, бегают по трапам в жёлтых касках японские грузчики, кричит на причале паровоз, лязгают вагоны...

Но вот повернули мы обратно и сразу его вспомнили.
Кто-то пожалел:

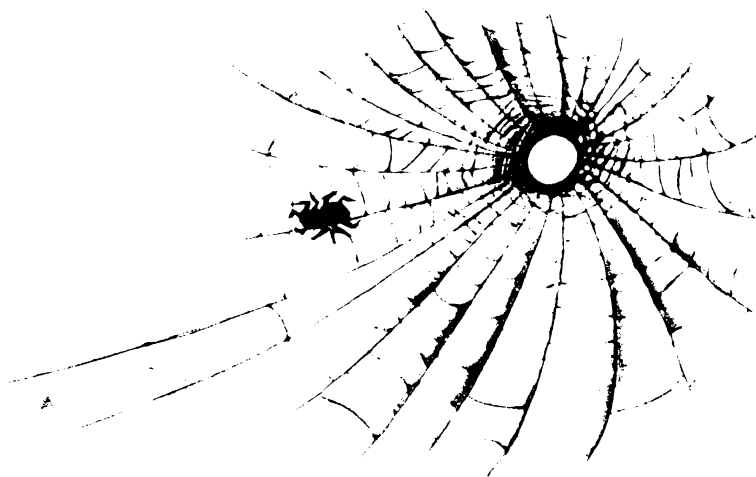
— Наверное, подцепили нашего морячка бревном, унесли.

Капитан вслух подумал:

— А может, спрятался? Боялся, чтоб в Японии не оставили? Так зачем нам его оставлять!

Паучишка словно этого только и ждал. Хоть забился далеко, а всё, наверное, слышал. Выбрался тут же наверх, подвесил свою пряжу в знакомом углу и давай бегать из стороны в сторону.

Мы работаем, порядок наводим, и он у себя чистит, как матрос, старается. А как же? Домой идём!

ОБЛАЧКО

Однажды под вечер, уже на закате, наш теплоход подходил к кубинскому порту Сьенфуэгос. После дождя от тёплой палубы поднимался розовый пар. Вода впереди вспыхивала малиновыми пятнами, а навстречу нам плыли от английского танкера одна за другой и покачивали горлышками пустые коричневые бутылки.

Я стоял у штурвала, поглядывал на мачты в порту, на горы в лёгких фонтанчиках пальм и весело думал, как сейчас пришвартуемся, как сдам вахту, умоюсь и — марш на причал, смотреть город, нюхать кубинские табакки! «Буэнос, амигос! Привет, друзья!»

Но тут в рубку вошёл мой напарник, встал за штурвал, сказал: «Вахту принял! — А мне велел: — Беги, спускай флаги. Время!» — и кивнул за окно.

Там, на верхушке мачты, тяжело колыхались два флага: алый — наш и голубоватый в полоску — кубинский.

Добро. Я спустился на палубу, сбежал по трапу и почти ткнулся в борт соседнего танкера: мы поравнялись с англичанином. Это на нём, сидя на трюме, матросы

пили пиво и прямо через голову бросали в воду пустые бутылки.

Я загляделся, поскользнулся на мокрой палубе, но тут же выровнялся. Добежал до мачты и потянул специальный тросик — фал. Флаги легко пошли вниз, но один из них, неловкий от влаги, помедлил и обернулся вокруг фала. Я ругнулся, качнул фал в сторону — флаги ни с места. Я потянул сильнее — узел взялся ещё крепче. Вот чёрт!

Сзади засмеялись. Англичане. Конечно, надо мной. Матрос — и не может управиться с флагом!

Я оглянулся. Из рубки недовольно смотрел капитан.

Надо лезть на мачту. Я посмотрел вверх. Небо вдруг углубилось, лестница вытянулась, мачта выросла и самой верхушкой вычерчивала в вышине лёгкий кружок.

На танкере сзади заговорили. «Наблюдают, что стану делать», — подумал я и встал на ступеньку.

Раньше мне не приходилось забираться на мачту, поднимались другие. Но тут я решил: «Ничего, смогу. Главное, держаться крепче!» И быстро полез вверх.левой — правой, левой — правой.

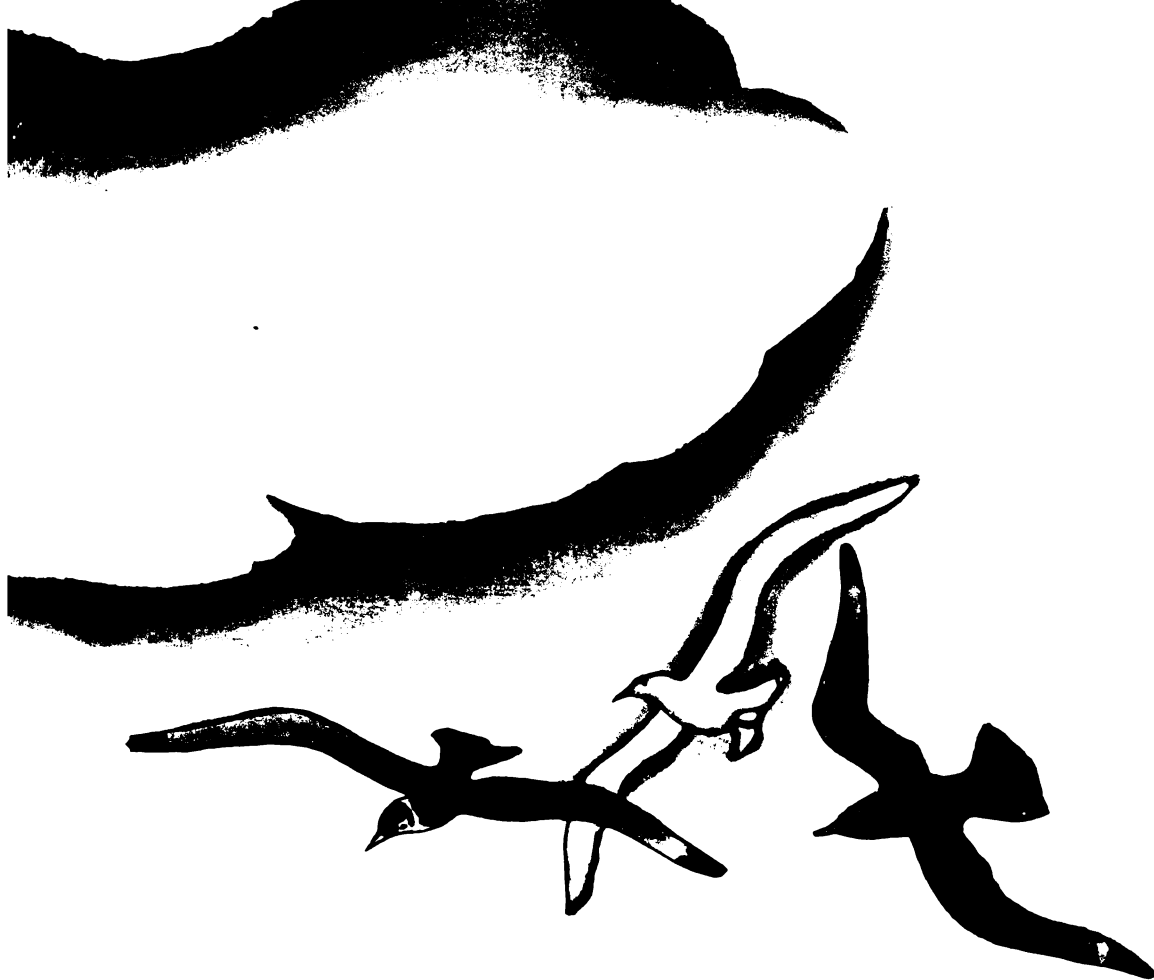
Англичане притихли. Легко заплескала вода, закричали чайки. Всё вдруг задышало высотой. И я весело засвистел. Ничего страшного. Раз-два — и на мачте! Зато как видно! И палуба, блестящая будто от лака, и солнце — по грудь в воде, и дальние горы...

Но тут ноги скользнули по мокрой ступеньке, и я крепче ухватился рукой. Осторожней! Подошвы-то скользят. Видно, поскользнулся я внизу на мазуте. Может, спуститься, вытереть туфли? Я задержался, но явно услышал, как внизу кто-то захихикал.

И я полез дальше. Ничего — обычное дело. Главное, найти в небе одну точку и держать на неё, вверх. Вон плывёт над головой розовое облачко.левой — правой, левой — правой. Вот так!

Но вдруг мачта резко метнулась вправо, ноги мои, всё

тело рванулись вниз, и руки дёрнуло тяжестью. Лицо осыпал мгновенный пот. Я поймал подошвами ступени. Но меня тут же повело в другую сторону. Ноги наполнились напряжением и дрожью. И всё во мне заколотилось от секундного страха.

Слезть, спуститься!

Но тут меня словно обдало жаром. А капитан? А флаг? А англичане? Небось захихикают: коленки дрожат.

И какая-то новая сила выпрямила, спружинила тело: ну нет! Будь что будет! Главное, смотреть вверх. Руки ещё дрожали, но ноги уже справились, сами оттолкнулись от металла и быстро перебирали ступеньку за ступенькой.

Мачта раскачивалась из стороны в сторону, будто хотела швырнуть меня то к горизонту, прямо на солнце, то к горам, за кварталы Сьенфуэгоса. Перед глазами взлетали и падали чайки. Но я только лез — чем выше, тем веселей и отчаянней. Ступеньки сами толкали меня вверх, к небу, туда, где плыло моё розовое облачко. Вот оно — рукой подать, висит, освещивает мне, словно нарочно остановилось. Ещё, ещё!

Ну! Я как-то быстро подтянулся, рывком влетел на площадку и вдруг увидел вокруг себя весь океан, целый мир. Вольно и радостно горели алые волны, вспыхивали угольками окна в белых домиках на берегу, уходили вдаль по горным хребтам пальмы.

Я отстегнул от фала кубинский флаг, снял наш и, сунув за пазуху, стал спускаться.

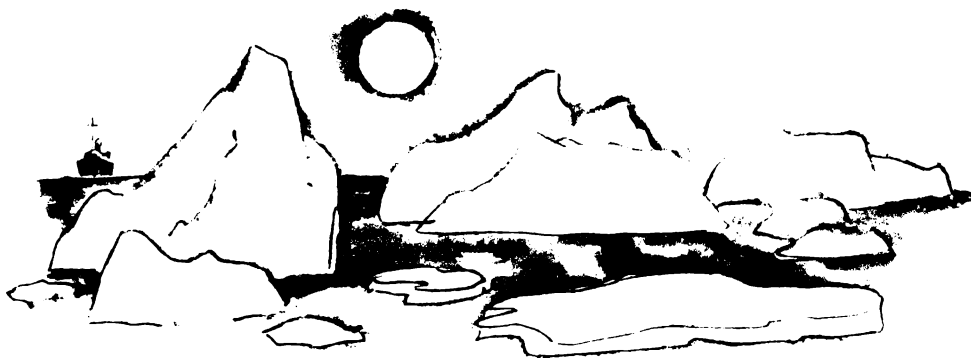
Спрыгнул на палубу, вытащил флаги из-под рубахи, развернул наш, алый, чтобы все видели: вот он — в руках! И оглянулся: ну, что скажете?

Но вокруг было необыкновенно тихо. И мачты почти не качались. Капитан спокойно прохаживался по рубке. Английские матросы всё так же бросали бутылки через голову. Будто никому не было до меня никакого дела. И вообще никто не смотрел в мою сторону. Будто я сам, за всех сразу, глядел на себя и думал: смогу или не смогу. А вдруг струшу?!

Смог! И уже было подумал: «Сам», но поднял глаза вверх и улыбнулся. Далеко-далеко в небе уходило куда-то ввысь маленькое розовое облачко...

Я ещё раз встряхнул флаги. Сложил их и побежал в рубку. Сейчас определю их на место, пришвартуемся, умоюсь — и айда на берег, в пальмы. Смотреть на город, нюхать кубинские табаки. Буэнос, амигос!

ГОСТЬ

После долгого плавания в жарких краях мы отправились в Арктику к полярникам, вышли в Чукотское море и стали ждать ледокола.

Я приготовил с друзьями буксирный трос и посмотрел за борт: не появится ли где-нибудь белый медведь. Вокруг всё сверкало, вспыхивало, толкались мокрые ледяные глыбы: вон поплыл ледяной кашалот, а вон — весь в сосульках — целый ледяной слон.

На палубу один за другим выбегали машинисты — коричневые, только из Индии, — вдыхали снежную прохладу, окидывали взглядом горизонт и качали головой:

— Ну, сила!

Но вот вышел из токарной мастерской мой дружок Гриша, хрустнул плечами, упёрся загорелыми руками в борт, кивнул уже было: «Ну...» — и вдруг вскрикнул:

— Ты смотри!

Я оглянулся. Ничего нового. Лёд и вода. Вода и лёд.

— Да вон, левей! — Гриша показал вперёд жёлтым задубевшим пальцем.

Тут и я подался вперёд.

К нам несло резную, как дубовый лист, льдину. За ней выныривала усатая нерпичья голова, а на льдине сверкал от солнца белый, прямо сахарный, нерпёныш, белёк.

Нерпа всё прыгала из воды, но только подгоняла льдину. Нерпёныш тревожно смотрел на чёрный борт, и глаза у него становились большими и чёрными.

— Возьмём? — быстро спросил Гриша.

— Так он же маленький!

— В гости, на часок! — крикнул азартно Гриша. — Спускай трап!

В гости — можно. Я нажал на кнопку, трап со скрипом поехал вниз.

Гриша быстро застучал каблуками по металлическим ступенькам и, как только льдина ткнулась в борт, подтянул её ногой, изловчился и пятернёй подхватил испуганного нерпёныша.

— Ну, видел! — крикнул Гриша, взбегая, и поднял белька над собой.

Нерпёныш мигнул, дёрнул ластами, хвостом — от меха так и посыпались брызги с инеем, а вокруг запахло морозом и свежей рыбой.

— Держи, — сказал Гриша.

Я протянул руки вперёд и улыбнулся: пальцы сразу спрятались в белый пух, а в ладонь что-то толкнулось: тук-тук-тук.

Из пушистой морды глянули на меня два глаза, посветлели — и вроде тоже улыбнулись.

— Вот это да! — сказал я. — Сияет, как снег.

— Как полюс, — поправил Гриша, стряхнул иней у себя с чуба и снова подхватил белька.

У трапа уже толкалось полкоманды, и все просили: «Дай поддержать! Ну хоть погладить!» Механики отирали от масла ладони, дневальная протягивала передник. А Гриша чудил:

— Руки лучше отмойте! И не курить возле ребёнка.

Все хохотали, но отворачивались и выпускали клубы табачного дыма в сторону.

Но тут сквозь толпу протолкался сухонький от седины дядя Вася, наш повар, и глянул снизу на белька цепкими глазами:

— Вот это шапка!

Все примолкли. Ну и сказал!

— А что? Шапка выйдет,— повторил дядя Вася, сверкнул полным ртом металлических зубов и посмотрел на Гришу.— Сам делать будешь? А то продай. У меня знакомый скорняк есть — такую шкурку сделает!

Он вытянул губы и дунул бельку в бок. Мех распушился, как одуванчик, засиял серебряными иглами, а белёк быстро задёргал хвостом.

— Да ты что? — сказал Гриша и поднял белька ещё выше, к свету.— Ты что, в себе ли?

— Ну уж,— сориентировался повар,— и пошутить нельзя.

Ничего себе шуточки!

— Ты бы его лучше угостил чем-нибудь вкусным,— сказал Гриша.— Гость ведь!

— Это мигом! — обрадовался повар, в минуту вынес из камбуза банку сгущёнки, ударил в крышку раз-другой ножом и подцепил пальцем густую нить молока. Но белёк только испуганно дёрнулся и пополз по палубе.

— Колбасы бы принёс! — закричали кругом.

— Мигом! — согласился дядя Вася.

Но нерпёныш и от колбасы отвернулся.

— Не,— сказал дядя Вася.— Не его еда. Ничего не возьмёт. Зверь.

А я подумал: «Посмотрим!» Побежал к доктору, выпросил флакон рыбьего жира и вернулся на палубу:

— Ну-ка, пустите.

— Ха, станет он тебе эту дрянь пить! — съязвил дядя Вася.

Но я плеснул из флакона немного жира в ладонь, под-

нёс бельку; он выпрямился на ластах, посмотрел на руку влажными глазами, повёл ноздрями — и раз, ткнулся носом.

Я даже засмеялся: усы-то у него щекотные и язык шершавый. Я плеснул жира ещё и отодвинулся, белёк потянулся за мной. Шлёп-шлёп ластами. Я отвёл руку в сторону — и нерпёныш за ней. Тычется прохладным мехом: ещё просит.

Мы совсем было завозились. Но подошёл ледокол. Из рупора громыкнула команда капитана — даже льды заколыхались. И все бросились по местам.

А Гриша спустился с бельком по трапу:

— Будь здоров! Привет маме! — и бултых его в воду.

Мы двинулись за ледоколом, закачались мимо нас опять ледяные слоны, крокодилы, зашумели команды: «Давай буксир! Принимай буксир!» Работа.

Но я всё-таки выбрал минуту, выглянул за борт — что там? — и ахнул! Дружок-то наш плывёт за нами! Тянут-ся рядом с бортом две усатые головы: одна белая, другая жёлтая. Нерпа-мать беспокоится, отталкивает сына, а он торопится за пароходом. Нерпа — от борта, а он — к борту. Мать — в сторону, а белёк — вперёд!

Уже и ледяное поле пробили, и на чистую воду вышли, а я всё вижу, или кажется: гребёт вдали наш маленький белёк, работает ластами.

И куда это он, чужак, собрался? За нами в дальнее плавание? Так долго нам ещё ходить-плавать. Ох, долго!

А Гриша тоже выбежал к трапу, посмотрел в ледяную даль, засмеялся:

— Вот как ему рыбий жир понравился. Побереги, — говорит, — пузырёк. Пойдём же когда-нибудь домой — обязательно встретимся. Ещё пригодится!

Цена 12 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Виталий Титович Коржиков

ГОСТЬ

ИБ № 1805

Ответственный редактор Л. Я. Либет. Художественный редактор И. Г. Найдёнова. Технический редактор Т. Д. Юрханова. Корректор З. В. Зайцева. Сдано в набор 14/I 1977 г. Подписано к печати 24/II 1977 г. Формат 60×90^{1/8}. Бум. тифдр. № 1. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,62. Тираж 300 000 экз. Заказ № 4963. Цена 12 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушёвский вал, 49.